

Печать |

Автор Бажанов В.А., Баранец Н.Г.

15.10.2012 г.

А.П. ОГУРЦОВ. Философия науки. Двадцатый век: концепции и проблемы.

Часть I. Философия науки: исследовательские программы. 501 с

Часть II. Философия науки: наука в социокультурной системе. 493 с.

Часть III. Философия науки и историография. 335 с. СПб.: Мирь, 2011.

Отечественная философия науки, представленная в советский период в основном философскими вопросами естествознания, привлекала к себе исследователей, которым были чужды господствующие идеологические соображения и установки; эти исследователи имели свои собственные взгляды на природу философского знания как такового.

К крупным представителям этого течения отечественной философии принадлежит А.П. Огурцов. Он всегда смел иметь своё собственное мнение, высказывал его, и поэтому в советские годы судьба испытывала его на прочность. Однако он не только устоял и активно работал в области истории и философии естествознания в 70-80-е годы, но и смог аккумулировать такой потенциал, который полностью раскрылся в постперестроечные годы. Его монографии «Дисциплинарная структура науки» (М., 1988), «Философия науки эпохи Просвещения» (М., 1994), «От натурфилософии к теории науки» (М., 1995) были заметными событиями в развитии отечественной философской мысли. А если иметь в виду продолжительную работу А.П. Огурцова в энциклопедических изданиях, то его творчество можно оценить как масштабное по разносторонности и глубокое по содержательности. Поэтому выход нового обширного издания трудов А.П. Огурцова - большое событие в отечественной философии науки. Это издание – своеобразный компендиум, представляющий в виде единой системы собрание работ автора за более чем полувековой период научных исследований.

В первой части А.П. Огурцов стремится осмыслить эволюцию концепций науки в XX в. в плотном социокультурный контексте. Анализ философских концепций, взаимовлияний и критики вскрывает исследовательские программы философии науки, представляющие собой «последовательность теорий науки, которые построены на основе общих фундаментальных принципов, разворачивают ту или иную теорию науки, конкретизируют её, восполняют круг проблем, поставленных и решаемых той или иной философской теорией» (ч.I, с. 7; далее ссылки включают номер части и страницу). Автор

показывает, что противоборство между различными исследовательскими программами – эмпиризма и конструктивизма, реализма и конвенционализма, неорационализма и логического эмпиризма, критического рационализма и структурализма – оттачивало концептуальный инструментарий философии науки. Соответственно, это противоборство включало в себя несколько этапов.

Первый этап -- это довоенный период с захватом первых двадцати лет после войны, т. е. до середины 60-х годов XX в., когда, по мнению автора, философы науки исходили из своего рода эпистемического приоритета научного знания: «При всех различиях в трактовке науки независимо от того, исследовались ли структура научного знания или его рост, от того, как понималась истина, на которую ориентируется научное знание, на какие методы научного исследования делается акцент, независимо от этого научное знание рассматривалось как когнитивная деятельность, направленная на постижение истины и регулируемая определенными методами исследования и изложения» (ч. I, с. 17). Так, Венский кружок стремился не к элиминации метафизики, а к построению научной философии, понятой как научное миропонимание. Усилия логического эмпиризма были направлены на выявление соответствия между словарем наблюдений и теоретическим словарем. В это время была создана стандартная концепция науки.

В послевоенный период, отмеченный формированием Большой науки и превращением её в мощный социальный институт, исследователи концентрируются на социальных параметрах научного исследования. Единицей анализа науки в социологии науки уже становится научное сообщество. Книга Т. Куна «Структура научных революций» формулировала новые установки, нацеленные на поиск социальных индикаторов развития науки. «Социология науки, ставшая исходной в социальной истории науки, была восполнена культурно-историческим подходом к науке. Социокультурный анализ науки не мог осуществляться иначе, как в детальном изучении «отдельных случаев» -- описания истории семьи, биографий учёных, их образования, культурного влияния, научных школ», - замечается в книге (ч. I, с. 20), а с 80-х годов в наукометрии и социологии науки начинают анализировать виртуальные сообщества – «ко-лаборатории», а ведущей тенденцией в философии науки рубежа веков стал поворот в сторону лингвистических методов.

В главе «Судьба метафизики в век физики» автор показывает, что эволюция позитивизма привела к признанию эвристической роли метафизики. Философы науки стали анализировать метафизические ядра научных парадигм и исследовательских программ.

А.П. Огурцов критикует сложившееся мнение о том, что критика неопозитивистами метафизики была неприятием философии вообще, а не критикой спекулятивных философских систем: «На самом деле логический анализ науки предполагал построение философии, ориентированной на науку, на точные методы анализа научного знания. Подвергалась критике прежняя метафизика, а не философия как таковая» (ч. I, с. 62). Отчасти возникновению ряда мифов о позитивизме и неопозитивизме способствовали постпозитивисты, например, К. Поппер, утверждавший (в «Логике научного исследования»), что позитивист отрицает существование подлинно научной теории и методологии и разрабатывает натуралистическую методологию или индуктивную теорию науки. На самом деле далеко не все представители Венского кружка разделяли это положение. А.П. Огурцов анализирует высказывания о Венском кружке И. Лакатоса, Й. Йоргенсена, Ф. Сапе и настаивает, что стремление к унификации науки, присущее представителям Венского кружка, не должно превращаться в унификацию их взглядов, в подведении их под общий и идейно бедный фундамент. Только скрупулезное восстановление когнитивной и социальной институализации неопозитивистского направления позволяет избежать подобных стереотипов. Автором осуществлен подробный анализ исследовательской программы М. Шлика и эволюцию от феноменализма к пробабилizmu.

А.П. Огурцов призывает оценить инновационность ряда идей феноменологической философии (анализ единого опыта, жизненного мира и кризиса науки Э. Гуссерля) для философии науки. Ему представляется плодотворным изучение научных текстов как нарратива через призму таких понятий, как дискурс, метафора (к чему призывали Х. Уайт, Р. Рорти). Много внимания уделяется автором проблеме интерсубъективности в контексте феноменологических исследований.

Весьма интересно описание А.П. Огурцовым особенностей перехода от социологии знания к социологии науки. Им анализируется деятельность М. Шелера по превращению социологии знания в самостоятельную дисциплину, его разграничение между реальной социологией и социологией культуры, частью которой являлась социология знания, и демонстрируется важность того, что К. Мангейм обратил внимание на подспудную связь между теорией познания и социально-духовной ситуацией соответствующего исторического периода: «В период своего формирования социология знания противопоставляла имманентный и трансцендентный подходы, т.е. анализ внутренней логики научного познания и внешних механизмов социализации его результатов. Позднее социология знания интерпретируется как дисциплина, которая объясняет изменения в когнитивной сфере изменениями в социокультурной среде. Эта установка обеспечила

весьма длительное сосуществование социологии знания с позитивистской методологией науки, их параллельное развитие на протяжении нескольких десятилетий» (ч. I, с. 307).

Вполне можно согласиться с автором в том, что определение контуров специфического предмета социологии науки потребовало значительных усилий. В социологии науки А.П. Огурцов выделяет и подробно описывает три исследовательских программы: Л. Флека, начавшего с анализа связи интеллектуального сообщества и стиля мышления, Ф. Знанецкого, который стремился осмыслить роль учёных в историко-социальных исследованиях, Д. Бернала, изучавшего науку как социальный институт и его социальные функции. К концу 30-х годов XX в. социология науки стала специализированной областью, которая понималась либо как автономная относительно социологии познания, либо как подраздел социологии знания.

В главе «Идея «научной революции»: её исторический контекст и аксиологическая природа» А.П. Огурцов реконструирует историю введения в дискурс философии науки метафоры «научная революция». Отталкиваясь от анализа философии науки Просвещения, автору удается убедительно показать, что идея научной революции в гносеологии и историографии Просвещения оказалась тесно связанной с идеей научного прогресса. Так, Б. Фонтенель называл исчисление бесконечно малых революцией в математике, подчеркивая выдающуюся роль Ньютона в ее развитии, а А. Клеро связывал с «Математическими началами натуральной философии» Ньютона революцию в механике. Это означает, что первоначально термин «научная революция» использовался для оценки выдающихся открытий и концепций прошлого, особенно тех, которые были связаны с именем Ньютона. На следующем этапе термин «научная революция» стал употребляться для оценки выдающихся открытий и теорий, уже созданных современниками. Тем самым, отмечает А.П. Огурцов, «идея научной революции оказывается одновременно и способом самооценки, поскольку учёный, использующий эту терминологию, принадлежит к научному сообществу, принимающему новую, революционную концепцию, и способом отождествления себя с определенным научным сообществом, осуществляющим переворот в основаниях науки» (ч. I, с. 333). Постепенно идея научной революции дополнилась идеей революции в приложении различных наук к материальной и социальной жизни человечества (Кондорсе связывал победу человеческого разума и утверждение общественного состояния с применением научных результатов). Террор и репрессии, сопровождавшие политическую революцию, привели к разочарованию в идее научной революции. В сознании учёных начала XIX в. утвердилось стремление к осмыслению науки и философии в терминах, относящихся к прошлому, возникли ретроидеологии, но к концу XIX в. и в начале XX в. вновь метафора «революции» стала использоваться при

оценке достижений искусства, литературы и науки. «Чувство краха старой науки и предчувствие новой лихорадочной эпохи охватило и учёных. Новые открытия стали оцениваться ими как научная революция, как революционный переворот в физических представлениях о структуре материи, о пространстве и времени, о взаимоотношении различных сил и форм движения», - замечает А.П. Огурцов (ч. I, с. 342-343).

Особое внимание автор уделил концепции В.И. Вернадского, который уже в начале XX в. предложил новую историографическую программу, предполагавшую исследование не истории отдельных научных дисциплин, а развития естествознания в целом под углом зрения прогресса научного мировоззрения.

Глава «Томас Кун: между агиографией и просопографией» интересна прежде всего как образец использования в эпистемологических и историко-научных исследованиях не вполне традиционных методов.

Во второй части А.П. Огурцов проводит масштабный анализ науки в социокультурном контексте. Здесь показывается изменение в подходе к проблеме ценностной нагруженности научного знания в философии науки. До 40-х годов XX в. доминировало мнение, что научное знание имеет исключительно объективно-фактуальный характер, что оно свободно от ценностных суждений. Но постепенно, прежде всего в постпозитивизме, произошло осознание важности статуса оценочных суждений в науке. Поппер и последователи осуществили метафизическую интерпретацию принципов научного мышления. Кроме того, социология науки способствовала распространению исследований, связанных с анализом этоса научного сообщества. Осмысление и синтез этих тенденций в контексте марксистской доктрины в советской гносеологии привел к возникновению целого направления, занимавшегося исследованием проблемы идеалов и норм научной деятельности. Анализируя работы В.И. Вернадского и Д.И. Менделеева, автор показывает, что отечественные учёные уже в начале XX в. выдвигали оригинальные идеи об эволюции норм и идеалов познавательной деятельности.

Полагаем, что для молодых исследователей особенно полезны будут главы, касающиеся идеалов научности и ценностей культуры. В них А.П. Огурцов дает обзор множества определений понятия «идеалы науки» и описывает подходы к их изучению, а также на материале преимущественно истории биологии показывает эволюцию этих идеалов.

Самостоятельный и чрезвычайно интересный раздел второй части образуют главы, описывающие отношения Советской власти и науки, формирование и развитие проблематики истории и философии науки в отечественной философской традиции, формирование философии науки в СССР. На конкретном историческом материале

показано, как определялись место и функции философии науки, её цели и ценности на различных этапах истории нашей страны, а доминирующий образ науки (сциентистский, антисциентистский, инженерный) влиял на политику государственной власти по отношению к учёным и науке.

Анализ становления философии науки в России сопровождается описанием А.П. Огурцовым основных тенденций в западной философии науки и выделением влияний и антивлияний её идей на отечественные исследования. Он делает вывод, что «в настоящее время в философии науки сосуществуют две стратегии: пропозициональная (стандартная, логико-эпистемологическая концепция науки) и социокультурная. Они несоизмеримы, конструируют каждая свой специфический образ науки, осуществляют анализ науки специфическими средствами и тематизируют различные сегменты научного знания. Задача философии науки в будущем – не отказываться от достижений логико-эпистемологического подхода к науке во имя социокультурной тематизации научного исследования, а найти пути сближения этих двух стратегий, если не соединения» (ч. II, с. 232).

Особенно интересными, богатыми постановкой проблем, нуждающихся в дальнейшем осмыслении, представляются главы, посвященные анализу этоса науки и коммуникативной рациональности, исторических типов дискуссий, философии науки в эпоху глобальной коммуникации. Важно развить намеченный А.П. Огурцовым подход к осмыслению механизмов изменения норм коммуникации между учёными в эпоху Интернета и осознать новые перспективы перед философией науки, которые открывает современное инновационно-развивающееся общество.

В третьей части дана реконструкция направлений в историографии естествознания. А.П. Огурцов показывает, что в историографии науки до 20-х гг. XX в. доминировала индуктивистская концепция науки. Развитие естественных наук представлялось как кумулятивный рост научных достижений, которые сохраняются на длительные промежутки исторического процесса. Дисциплинарные целостности здесь описывались внетекстуально, т. е. вне конкретного исторического контекста. Только после научной революции в физике первой четверти XX в. пришло осознание того факта, что существуют дискретные целостные структуры в развитии научного знания (теории, не сводимые друг к другу, логически эквивалентные и одинаково эмпирически проверяемые), что переключило внимание исследователей на изучение смены и взаимоотношения теоретических концепций. С 30-х годов XX в. в историографии естествознания особое место занимает историографическая программа, получившая название «Интеллектуальная история, или история идей». Она была сформулирована А.

Лавджоем в работе «Великая цепь бытия» (1936), где вводилось понятие «элементарной идеи, идеи единицы», которая проявляется в коллективной мысли и определяет ментальные привычки. К. Скиннер усилил этот подход, утверждая, что история понятий как таковых невозможна, а существует история их использования в спорах. Исторический контекст есть предельная система отсчета, помогающая определить конвенциональные значения, принятые в обществе. Идеи были отграничены от понятий, имеющих однозначное значение и образующих элементы теоретических построений. Среди понятий были выделены концепты, обладающие авторским смыслом, а также инвариантные, устойчивые в историческом времени альтернативные темы (темы-оппозиции).

В 70-е годы XX в. в рамках коммуникативного поворота в методологии гуманитарных наук в целом и науковедческих исследованиях в частности произошел переход к изучению различных форм когнитивного обмена между представителями как науки, так и другими эпистемическими сообществами. В сфере рассмотрения оказались «зоны обмена» информацией, изучалось взаимоотношение естествознания со средствами массовой информации, гражданским обществом и различными институтами государства. По мнению А. П. Огурцова, коммуникативный поворот в истории науки привел к уяснению значимости логических правил для многообразных форм коммуникаций в научном сообществе: «Вместе с тем этот поворот привел к деконструктивистской историографии науки, к замыканию рациональных реконструкций истории науки лишь в пределах герменевтически истолковываемых коммуникаций между учёными, что нашло свое выражение в тезисе о «несоизмеримости парадигм». В последнее десятилетие уже ощущается неприятие этой деконструктивистской программы в историографии и начинается поиск универсальных и актуальных посредников коммуникации, универсальных норм и правил, создающих «безличный мир» рациональности (её критериев, стандартов, регулятивов, методов, достигнутых истин)» (ч. III, с. 211—212).

Заслуживают пристального внимания соображения А. П. Огурцова о точках роста философии и философии науки (ч. III, с. 290 – 306). Эти точки роста намечаются и анализируются автором с учетом специфики гуманитарного знания вообще и философского в частности. А. П. Огурцов исходит из соображения, что идея прогресса неприменима к философии (возможно, здесь философия примыкает к искусству). Поэтому надо осознать персоналистский характер философствования (мы бы добавили: и соответствующие выражения авторитета философа, часто выраженного в цитировании) и важность типологизации философов. Философ должен смириться с тем, что мы вступаем в постсекулярное общество и проблематика философии религии, по мнению автора, будет занимать всё более заметное место.

Разработка этической онтологии в силу индивидуальности поступка (в том числе поступка философа) представляется А.П. Огурцову весьма важной. Равно как и анализ соответствующего дискурса, сопровождающего поступок.

В числе точек роста автор называет и такие традиционные проблемы, как проблему сознания и проблему идентичности человека. Он опасается, что увлечение постмодернизмом может привести к замыканию познающего сознания на мире симулякров, которое повлечет его деонтологизацию и «самопожирание». К данному предупреждению безусловно следует прислушаться.

А.П. Огурцов с интересом всматривается в противостояние натурализма и конструктивизма в философии науки и замечает, что тенденция к натурализму (равно как и новому эмпиризму) является в философии науки рубежа XX и XXI вв. очевидной. Различные направления развития современной науки приводят к их отходу от идеала единой науки. Однако этот идеал может быть сохранен благодаря повороту в сторону психолого-антропологического исследования творчества ученых, когда в поле зрения анализа оказывается субъект познания с его конкретными предпочтениями и оценками в процессе принятия решений в условиях неопределенности. «Последует ли за этими исследованиями поворот эпистемологии и философии науки к психологии и антропологии?», - задается вопросом автор (ч. III, с. 306). Он выражает мнение, что в ближайшие десятилетия борьба различных направлений в эпистемологии и философии науки лишь усилится. Однако это будет означать дальнейший прогресс этих областей философского знания и экспликацию его оснований и когнитивных предпосылок.

Вызывает сожаление, что в этот трехтомник не вошли работы А.П. Огурцова по истории методологии науки. Интересно было бы увидеть продолжение исследований по реконструкции методологического сознания учёных, которое А.П. Огурцов довел только до середины XIX в. Хотелось бы надеяться, что автор сможет завершить начатый им проект, и в дальнейшем мы будем иметь возможность познакомиться развитием этой части его исследований.

Издание столь значительного объема не может быть абсолютно «ровным» и кристально выверенным. Местами изложение носит излишне описательный характер (например, (ч. II, с. 83, 168), встречаются дословные повторы (например, (ч. I, с. 22-23 и ч. II, с. 483; ч. II, с. 200 и ч. III, с. 485).

Диапазон интересов А.П. Огурцова, оригинальность исследовательского взгляда, методологическая последовательность, энциклопедичность и колоссальный охват исторического материала делают данное издание весьма заметным явлением для отечественного философского сообщества. В истории науки, говорят, бывают

архивариусы знаний (собиратели и систематизаторы) и новаторы (творцы нового и полезного, что будет использовано другими). Без первых и вторых невозможно развитие науки. В творчестве А.П. Огурцова сочетаются эти важные функции. Поэтому его работы ценны не только для начинающих свой путь молодых, но и сложившихся учёных, способных найти в трудах автора новые идеи и восхититься нетривиальной философской эрудицией.

В.А. Бажанов, Н.Г. Баранец (Ульяновск)